

Тихон Николаевич, у каждого времени есть музыка. Какой вы слышите музыку сегодняшнего дня?

- Сейчас, к сожалению, нет песен, которые бы олицетворяли наше время. По телевидению, радио можно услышать в основном так называемую попсу. А это ведь мусор, который по определению не может стать чем-то значительным. Но с другой стороны - о чем петь-то? О том, как заработать деньги или прожить более или менее сносно? Это, конечно, важно. И такие песни появляются. Но тут же умирают. Потому что это не тема для искусства. Искусство может существовать в обществе, которое совершенствуется. Тогда появляются и новые формы.

- Какой вообще для вас была музыка советского времени?

- В советское время родилась целая песенная культура, новаторская, которая была присуща именно нашей стране. Но расцвела советская песня, потому что в этом была потребность, люди хотели петь и коллективно, на демонстрациях, в клубах, дома на вечеринках... Советские композиторы по существу сформировали атмосферу, в которой жил народ.

- Но, возможно, у людей сейчас потребность именно в попсовых песнях? В конце концов покойный композитор Гаврилин считал, что не только в нашей стране, а и в мировой музыкальной культуре победила музыка ярмарок, площадей.

- В музыке площадей ничего плохого нет. «Петрушка» Стравинского по своей тематике близок к такой музыке. Беда в том, что искусство стало предметом торга. К сожалению, наши эстрадные певцы в подавляющем большинстве и копейки не стоят, а им платят огромные гонорары. Корифеев из них делает колоссальная реклама. А люди очень доверчивы. В то же время настоящее искусство практически не пропагандируется.

- Но многие серьезные музыканты стараются приблизить классическое искусство к массам. Та же скрипачка Ванесса Мэй собирает огромные аудитории, исполняя в оригинальной манере классические произведения.

- Не спорю, такая музыка может иметь успех у публики. Но классика есть классика, и никто не имеет права «поправлять» Бетховена, Чайковского, Моцарта... Другое дело, что торгаши от искусства пользуются их мелодиями, пытаются приспособить ее под себя, обогащаются за счет искусства. Но это всегда было. И все равно настоящее искусство победит.

- На чем основана такая уверенность?

- Знаете, у меня есть правнук - Тишенька. Занимается музыкой. Он очень способный мальчик. Но серьезным музыкантом вряд ли станет. Ему уже больше 13 лет. Я говорю «уже», потому что сейчас в 12-13 лет дети играют потрясающе, как большие пианисты. Причем талантливых детей больше, чем раньше. В консерватории удивительные студенты и аспиранты. А ведь они учатся в материальных лишениях, при отсутствии бытовых удобств!.. И тем не менее... Это происходит, потому что в нашем народе всегда очень сильна тяга к настоящему искусству. Вот она и прорастает через все наслоения.

- А сами вы когда решили, что будете музыкантом?

- Лет, наверно, в шесть. Я только научился читать и самой первой прочитал книгу о Моцарте. Она произвела на меня столь сильное впечатление, что я дал себе клятву стать музыкантом. А лет в 11-12 сел однажды за стол, взял карандаш, нотную бумагу и сочинил этюд. Музыка звучала у меня внутри. Я был десятым ребенком в семье. Все мои братья и сестры музицировали, но серьезно занимались физикой, математикой. Так что никто в нашей семье по поводу моего сочинительства не удивился. Это был, как сейчас говорят, рабочий момент.

- Вы получили признание, будучи еще студентом. Ваша дипломная симфония исполнялась по всему миру. В Америке ее играл филардский оркестр под управлением знаменитого дирижера Леопольда Ставковского. Но почему все-таки за эту симфонию Прокофьев, возглавляющий в консерватории экзаменационную комиссию, поставил вам «4»?

- Ну и что из этого? Я считаю Прокофьева самым великим композитором XX века. Прислушав на экзамене мою симфонию, он посчитал ее недостаточ-

Тихон ХРЕННИКОВ:

Тихон Хренников - это музыка к фильму «Гусарская баллада», 8 опер, 5 балетов, множество песен, в том числе - «Московские окна», симфонии, концерты... Это более 40 лет руководства Союзом композиторов СССР. В общем Тихон Хренников - это эпоха. О ней и о нем самом удалось поговорить с композитором корреспонденту «МС».

ФОТО ЭДУАРДА ЛАГОВКА

НЫНЕШНИХ КОРИФЕЕВ ДЕЛАЕТ РЕКЛАМА

но современной. Моя композиторская линия действительно с самого начала была мелодической. Это буквально вылезало из меня. Прокофьев сам гениальный мелодист, но в тот момент у него были другие увлечения. Ведь, как у каждого человека, у музыканта тоже свои пристрастия. Прокофьеву казалось, что сделанное мной не ново...

Меня считали самым выдающимся студентом консерватории. Но Прокофьев был не просто председателем экзаменационной комиссии, а богом для всех. Никто не посмел даже с ним спорить, хотя мои учителя Шебалин и Мяскоцкий, большие композиторы, думали иначе.

Но через три года мне «пятерку» принесли, можно сказать, на блюдечке. К тому времени появилась моя оперная, театральная музыка. И преподаватели консерватории, пересмотрев оценку, сами принесли мне красный диплом. В Малом зале консерватории есть мраморная доска, на которой выбиты имена лучших выпускников консерватории. На ней выбили и мою фамилию.

- Вы чувствовали свою избранность?

- Какая там избранность! Я работал и ни о чем не думал...

- Но другие тоже работают, а у них не получается.

- Драматург Виктор Розов как-то сказал: все в мире уже сделано, сочинено, все витает в воздухе. Но талантливый человек может из воздуха брать, а неталантливый ничего, кроме пустоты, там не найдет.

- Союз композиторов, который вы возглавляли более 40 лет, можно назвать колоссальным предприятием. Его бюджет составлял 20 миллионов рублей. Но вы активно занимались и творчеством. Как вам удавалось совмещать столь разные виды деятельности?

- У меня было много помощников. Сам же я в основном занимался творческими вопросами и общим руководством. Во всяком случае Союз композиторов был организацией, которая очень

помогала композиторам. Мы содержали дома творчества, давали бесплатные квартиры, устраивали авторские концерты... Все перечислить невозможно. Сейчас композиторы называют то время золотым. Мой друг, знаменитый американский композитор Самюэль Барбер с трибуны наших съездов прямо говорил: «Мы завидуем вам». На Западе ведь каждый композитор выживал как мог. Впрочем, у нас сейчас так же...

- Помимо композиторских заслуг, руководителем Союзом, вы были и депутатом Верховного Совета, и кандидатом в члены ЦК... Как при таких-то регалиях вы умудрились не написать ни одного произведения о Сталине?

- Не было желания.

- Когда Горькому сказали, пиши роман «Отец», он крепко призадумался...

- Хотел бы я посмотреть на того, кто мог Горькому так сказать! И Шостаковичу никто не мог приказывать. Это был человек колоссальной внутренней силы. Когда в 1949 году ему предложили поехать в Америку в составе советской делегации, он согласился лишь после того как Сталин лично позвонил ему и попросил об этом. А ведь на тот момент его уже подвергали критике. Да что там говорить!.. Послушайте, какая мощь в его музыке. Это же изображение самого человека! Все, что есть в композиторе индивидуального, - в его музыке. Она - его точный образ, человеческий портрет. Просто сидя за роялем, ничего придумать нельзя. Музыку можно писать, лишь углубившись в себя. Иначе получится импровизация, этакая музыкальная болтовня. Она может быть лучше или хуже, но исполнить ее под силу любому музыканту. А Шостакович и Прокофьев были гениальными композиторами. Они сочиняли что хотели. Если они хотели писать о Сталине - они писали о нем. Значит, у них была в этом потребность.

- Но ведь влияние партийных структур на развитие искусства было колоссальным.

- Деятельность Союза композиторов всегда находилась под неусыпным

оком аппарата ЦК КПСС. Доклад, который я прочитал на первом съезде Союза, был целиком написан в отделе культуры ЦК. Не было ни одного моего выступления не только на съезде, но даже на какой-то общественной акции, которое бы там не поправили. Из аппарата ЦК постоянно шли «указивки», как мы должны строить внутреннюю жизнь Союза, какой должна быть реакция на те или иные события. Шагу нельзя было сделать без разрешения ЦК. Когда перед нашим съездом в 1979 году я предложил ввести Альфреда Шнитке в будущий секретариат, мне сказали: достаточно ввести его в правление. Я ничего не мог сделать. Это давление стало ослабевать лишь в последние три года существования Союза. Но даже мой доклад на съезде в 1986 году, когда уже прозвучало слово «перестройка», редактировали и правили в ЦК КПСС.

- И вы не хотели отказаться от административной работы?

- Я никогда не держался за кресло. Даже отказался от жалования первого секретаря, потому что считаю - общественной работой надо заниматься бесплатно, а свой хлеб зарабатывать профессией. У меня и была нормальная композиторская жизнь. Я приезжал в Союз после пяти часов, а до того времени сидел дома и писал музыку. Выступал со своими произведениями на концертах как пианист. Но если первый раз руководить Союзом композиторов меня назначил Сталин, то потом все время выбирали тайным голосованием. Я ведь приехал в Москву пятнадцатилетним мальчишкой. Я вырос на глазах у многих этих людей. Они знали меня вдоль и поперек. Поэтому и не отпускали от руководства Союзом композиторов. Когда, однако, много лет занимаешься каким-то делом, оно становится частью тебя. Так произошло и с Союзом. Я видел, что могу много сделать, - и делал.

- Вы четыре раза встречались со Сталиным, не говоря уже о Хрущеве, Брежнев. Началась эпоха Ельцина...

- С какой стати Ельцин будет приглашать меня к себе? Союза композиторов

фактически уже не существовало. Тем не менее Ельцин дал мне орден, президентскую пенсию. Как Герой Социалистического Труда я не плачу за квартиру, телефон... Мои произведения постоянно исполняются по радио, телевидению, и мне за это идут определенные отчисления. Так что жаловаться не на что. Я живу даже лучше, чем раньше. Тогда мне надо было отвечать за Союз композиторов, а теперь я отвечаю только за себя.

- В начале перестройки на вас обрушился критический шторм. Как вы его перенесли?

- Абсолютно хладнокровно. В таком положении оказался не я один. Бондарчука, гениального режиссера, буквально размазали. Да многих!.. И не только в кино - во всех остальных видах искусства. Это была расправа с советской интеллигенцией, что я прекрасно понимал. Но знаете, когда мальчишкой я поехал учиться музыке в Москву, отец сказал мне: «Тихон, я не знаю, как у тебя сложится жизнь. Но никогда не огорчайся от неудач и не очень радуйся удачам. Работай! Это главное, что надо делать в жизни». И отцовскому совету я следовал всю жизнь. Писал музыку и ни на что не обращал внимание. По-человечески я оставался неуязвим, потому что моя совесть была чиста. И все вернулось на круги своя. Сейчас ко мне отношение как к патриарху. Когда мне исполнилось 90 лет, меня принял Путин. Я был награжден президентской премией. О моем юбилее все телеканалы вещали...

- Вы написали огромное количество произведений. А любимое есть?

- В 1935 году я был влюблен в свою будущую, а ныне, увы, покойную супругу Клару и работал над музыкой к комедии Шекспира «Много шума из ничего». Там была и песня на слова Павла Антокольского. Кларе песня не понравилась. Она даже пошутила: хорош влюбленный, который не может сочинить любовную серенаду! На следующий день я показал ей на эти же слова новую песню. Так появилась серенада «Как соловей о розе» - одна из моих любимых мелодий.

- Вы с одинаковым успехом писали и серьезную, и легкую музыку. Какая, однако, вам ближе?

- В традиции русских композиторов - работать во всех жанрах. Это обогащает возможность. Я все люблю писать. Мои песни исполняли, пожалуй, все знаменитые певцы, даже Лемешев, а я ему аккомпанировал. Специально для Пугачевой написал музыку к сонете Шекспира. Она великолепно и спела, и сыграла это в картине «Много шума из ничего». Несколько лет назад написал музыку к балету «Капитанская дочка». Ко многим постановкам декорации делала моя дочь. Она художница. Двадцать лет проработала главным художником в Театре Бориса Покровского. Недавно в Омске состоялась премьера моего нового мюзикла «В шесть часов вечера после войны». Только что закончил вальс, который сочинил по просьбе МГУ - университету скоро исполнится 300 лет. К балету «Наполеон Бонапарт» проявили интерес американцы и французы...

С этим балетом связан и один из самых дорогих подарков, который я получил на свой юбилей. Сам я родом из Ельца. Так вот, администрация Липецкой области изыскала возможности, чтобы привезти этот балет с кремлевской сцены. Теперь его увидели и мои земляки.

- Как вам удалось сохранить поразительно высокий творческий тонус?

- Я чувствую, что могу работать, - вот и работаю.

- А что должен делать композитор, чтобы не отстать от времени?

- Есть, конечно, люди, у которых все в прошлом, и они этим живут. Но у настоящего творческого человека есть и прошлое, и настоящее, и будущее...

- Когда по телевидению, на концерте вы вдруг слышите свою музыку - сердце екает? Или подобные радости для вас давно привычны?

- Мне всегда близко то, над чем работаю в данный момент. А старое куда-то отходит. Порой к старому относись так, словно это сочинил кто-то другой. Как-то пришел я в Кремлевский Дворец на свой балет «Наполеон Бонапарт». Хороший балет, доволен я и своей музыкой. Но смотрел я этот спектакль и удивлялся - какая все-таки махина! Неужели это я написал? Даже странно....

Беседовала Наталья КУЗИНА